

A.P. Gorkina. Moscow, Rosmjn publ., 2006. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3845.

6. Beware the temporary academic contract, it's not always as it seems. Available at: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2017/aug/18/beware-the-temporary-academic-contract-its-not-always-as-it-seems>.

7. Bidisha. The return of arts critics to television? I give that five out of five. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/aug/13/return-arts-critics-tv-saturday-review-front-row-star-ratings>.

8. Disability services transform students' lives – we must protect them. Available at: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2017/apr/07/disability-services-transform-students-lives-we-must-protect-them>.

9. Allison E. Where will you find football's heroes? Not in the pampered Premier League. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/aug/13/premier-league-football-manchester-billions-grassroots>.

10. How do you finish a PhD when, as a working-class student, you don't feel you belong? Available at: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2017/aug/11/how-do-you-finish-a-phd-when-you-dont-feel-you-belong-at-university>.

11. I can't get a permanent lecturing job – is it because I'm of childbearing age? Available at: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2017/jul/06/i-cant-get-a-permanent-lecturing-job-is-it-because-im-of-childbearing-age>.

12. I'm a single parent and a scientist and I'm dangerously stressed. Available at: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2017/jan/13/im-a-single-parent-and-a-scientist-and-im-dangerously-stressed>.

13. I wish we could talk more openly about mental health in academia. Available at: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2017/mar/03/mental-health-academia-off-sick>.

14. June Eric Udorie. Social media is harming the mental health of teenagers. The state has to act. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/sep/16/social-media-mental-health-teenagers-government-pshe-lessons>.

15. Let's bridge the divide between lecturers and technical instructors. Available at: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2016/nov/04/lets-bridge-the-divide-between-lecturers-and-technical-instructors>.

16. Stop censoring student journalists – we're trying to hold universities to account. Available at: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2017/jun/23/stop-censoring-student-journalists-hold-universities-account>.

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОСВЕННЫХ КОМИССИВНЫХ АКТОВ

Кудряшов Игорь Александрович, доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, e-mail: igalk@mail.ru.

В статье анализируются косвенные комиссивные акты, которые обладают характеристиками физических действий человека: они инициируются субъектом, который стремится реализовать свои коммуникативные намерения, ценности, а возможно и запреты на какие-либо действия адресата. С эпистемической точки зрения данный субъект является минимально рациональным, определяется как один из игроков в «коммуникативной игре», которая контролируется правилами кооперации и состязательства.

Ключевые слова: диалогическая коммуникация, косвенный комиссивный акт, прагматический анализ, фатический контакт

DIALOGIC SPECIFICS OF INDIRECT COMMISSIVE ACTS FUNCTIONING

Kudryashov Igor A., *Doctor of Philological Sciences, Professor, Southern Federal University, 34406, Russia, Rostov-on-Don, 105/42 Bolshaya Sadovaya st., e-mail: igalk@mail.ru.*

The article analyzes the indirect commissive acts which possess the human physical activity characteristics: they are initiated by the subject who is eager to realize his / her communicative intentions, values and, possibly, prohibitions upon addressee's some actions. From the epistemological point of view, this subject is minimally rational, is defined as one of the players in the "communicative game" which is controlled by the rules of cooperation and contention.

Keywords: dialogic communication, indirect commissive act, pragmatic analysis, phatic contact

Усиливающееся внимание исследователей к проблематике, связанной с диалогической коммуникацией, обусловливается, как представляется, прежде всего, тем, что прагматический анализ данной типа межличностного взаимодействия дает возможность выявить конструктивную роль речевых средств в становлении, развитии и поддержании фатического контакта между собеседниками [3, с. 12; 5, с. 23; 10, с. 8]. Линия речевого поведения, избираемая субъектом речи, рассматривается нами как показатель наличия / отсутствия подобного контакта, открывающейся для собеседников возможности оказания взаимной поддержки и проявления внимания к текущим неречевым потребностям друг друга. Указанная установка адресанта фактически влияет на последующее речевое взаимодействие собеседников, предопределяет прагматические возможности перерастания эмоционально-волевого вовлечения участников общения в продуктивные межличностные отношения. Стремление упрочить данные отношения приводит участников диалога к потребности осознать границы возможной коммуникативной свободы в речевой ситуации. Иными словами, указанный случай служит дополнительным подтверждением общепризнанного в конверсационном анализе тезиса о том, что характер речевой ситуации оказывает непосредственное влияние на выбор речевых средств воздействия со стороны собеседников. Как логический результат этого адресат формирует свою точку зрения о субъекте речи, моделирует ответное реагирующее действие (как речевое, так и неречевое) на инициированную реплику.

Речеповеденческие акты адресанта, которые реализуются в диалогическом общении «лицом-к-лицу», обеспечивают слушающего возможностью напрямую «схватить» субъективные характеристики адресанта, особенности его самовыражения в процессе прогнозирования последующего хода коммуникации. В частности, последний аспект ярко проявляется в момент инициирования коммиссивного речевого акта, дающего возможность упрочить веру адресата в то, что разворачивающиеся диалогические отношения являются стабильными. Признавая текущие межличностные отношения сложившимися, субъект речи посредством речевого акта обещания сознательно поддерживает эти отношения, задействует данный иллокутивный тип речевого акта как прагматический прием поступательного стратегического развития диалогической коммуникации с данным собеседником на последующих этапах ее развития.

Термин «коммиссивный речевой акт» относится к так называемой теории речевых действий Дж. Остина и Дж. Серля. В дефинировании Дж. Остина «...ключевое свойство коммиссива — обязывать говорящего к определенной линии поведения» [12, с. 57]. Детализованное определение этого речевого

средства воздействия на адресата находим в научном эссе Дж. Серля «Классификация иллокутивных актов»: «...комиссивы – это те иллокутивные акты, цель которых в том, чтобы возложить на говорящего обязательство... совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения» [14, с. 179]. В работе «Что такое речевой акт?» Дж. Серль указывает следующие семантические правила функционирования акта обещания:

1) обещание должно произноситься в том случае, если адресат предпочел бы выполнение субъектом речи того, что он обещает;

2) обещание следует произносить, только если не является очевидным, что обещанное субъектом речи не произойдет само собой, без реализации акта обещания [14, с. 183].

Правила инициирования, указанные выше для комиссивных актов, позволяют отграничивать их от иных типов иллокутивных действий.

Классификация разнообразных иллокутивных речевых действий, как представляется, может базироваться на таком факторе, как потенциальная предрасположенность этих действий к порождению конфликтной диалогической коммуникации. С помощью директивных речевых актов – даже если в их перлокутивном эффекте заинтересован адресат – субъект речи потенциально может привести диалогическую коммуникацию к состоянию конфликта, фактически отказать адресату в поддержке, которая является необходимой для конструктивного развития межличностных взаимоотношений.

В связи с этим, языковая система вырабатывает арсенал совокупных моделей, которые реализуют императивное значение неявным (косвенным / имплицитным) способом, дающим возможность субъекту речи произвести смягченное воздействие на собеседника (ср., например, *зачем-, почему-* вопросы в императивном значении). Комиссивные речевые акты, напротив, избавляют слушающего от стрессового состояния, непосредственно связанного с возможностью разрыва речевого контакта с субъектом речи. Поэтому, как мы полагаем, в системе языка не обнаруживается значительного разнообразия обобщенно-типизированных моделей, передающих комиссивное иллокутивное значение.

Как свидетельствуют наши наблюдения, на уровне речевого употребления в прагматической функции комиссива может использоваться практически любая пропозиция, с помощью которой субъект речи выражает текущую готовность не только поддержать речеповеденческую стратегию адресата, но и сгладить взаимные расхождения в точках зрения, упрочить опыт их согласования. Косвенный комиссивный акт, как правило, базируется на том, что субъект речи явно выражает некоторое из прагматических условий успешности данного акта. Причем реализация комиссивного речевого акта входит в действительные намерения субъекта речи.

Инициированная реплика в данном случае неявно предполагает такое пропозитивное содержание, как «я обещаю». Иными словами, в диалогической коммуникации косвенная речеактовая номинация предстает наиболее оптимальной формой реализации комиссивного смысла. Иллокутивная сила комиссива эксплицируется, как правило, общим контекстом коммуникации: диалогическое речевое действие приобретает прагматическое значение обещания, если инициатор этого действия, предварительно сделав оценку своих возможностей, в состоянии удовлетворить текущую потребность слушающего в реализации некоторого неречевого действия. При этом субъект речи выражает чувство принадлежности к речевому взаимоотношению с диалогическим партнером. Подобный речевой контакт обладает социально-психологическим характером, что, в свою очередь, можно рассматривать в качестве базовой цели фатического речевого поведения.

Реализация косвенных комиссивных актов в рамках диалогической коммуникации оформляется как 1) запрашиваемое обязательство; 2) незапраши-

ваемое обязательство. В последнем случае в прагматическую пресуппозицию субъекта, возлагающего на себя обязанность, входит знание о намерении оппонента совершить искомое действие. Ср.:

«– А под воду? Я тоже хочу посмотреть... – **Вот и посмотришь**, – пообещал Шишкодремов. – У меня там акваланг есть, заодно и потренируешься» [4, с. 37]; «Невеста в белоснежном наряде. Рядом гости и жених... Сергей Олегович и не заметил, как под зонтом его оказался незнакомец... Это был Филиппов, с интересом разглядывал Сергея Олеговича. «Желаю», – сказал он. «Так идите и скажите»... «...Наталья, в моей судьбе все переменялось к лучшему, **я не буду докучать вам своими приставаниями и сомнениями в ваших намерениях...**» – Сергей Олегович замолчал» [13, с. 363].

В анализируемой диалогической ситуации косвенные комиссивные акты в структурном отношении иницируются как своеобразное обязательство-содействие.

В момент реализации как запрашиваемого обязательства косвенный комиссивный акт можно представить, в терминологии, предложенной А.Н. Барановым и Г.Е. Крейдлиным, как иллокутивно вынуждаемую реплику, а исходную реплику – как иллокутивно вынуждающую [1, с. 85], которая требует от адресата ответа-обещания соответственно. В качестве исходной реплики в рассматриваемом диалогическом единстве могут функционировать:

а) Высказывание с побудительной семантикой: «– **Веду! Сейчас на поверхность вытяну! Ты хватай ее за хвост!.. – Возьму, не волнуйся!**» – пообещал Кузьмич и приготовился» [13, с. 292].

В данном случае инициатор комиссива, как правило, не только порождает ситуацию ожидания, но и одновременно убеждает субъекта вынуждающей реплики не беспокоиться.

б) Высказывание со структурой повествовательного или вопросительного предложения: «– **Василий, видишь, у меня группа голодает, на глазах девочки форму теряют**», – обратился Кислюк к заму мясного комбината. – **Завтра подвезем**, – пообещал Василий» [13, с. 407]; «– **С тортиком что решила?.. – Тортик я приготовлю**, – махнула рукой Лисица» [7, с. 59].

Реагирующая реплика в иллокутивном отношении предстает комиссивом, так как автор этой реплики фактически берет на себя обязательство по исправлению сложившейся ситуации или выполнению того, о чем запрашивается в стимулирующем речевом действии (т.е. *я обещаю доставить продукты завтра; я обещаю испечь торт*). Согласно нашим наблюдениям, в диалогическом общении иллокуция обещания реализуется, как правило, в прагматической функции вынуждаемой реплики, связывающей собеседников в отношении совместных коммуникативных стратегий поведения и гарантирующей тот факт, что взаимоотношения будут продолжены как неотъемлемая часть совместной повседневной активности партнеров по диалогу.

Собеседник, реагирующий на стимулирующую реплику, вступает в диалогическое взаимодействие, как правило, находясь в определенном эмоционально-психологическом состоянии. В ходе речевого контакта с субъектом речи эмоционально-психологический план адресата подвергается «расшатыванию», определяется не столько экстралингвистическими параметрами, сколько самим процессом интерпретации воспринимаемой информации, когнитивными репрезентациями образов, которые возникают в сознании как реакция на модусный заряд реплики-стимула. В результате естественно-логических умозаключений, выводов фатической информации из стимулирующей реплики обновляется эмоционально-психологическая сфера слушающего, новые эмоции начинают влиять на личностную диспозицию адресата в текущем диалогическом взаимодействии, формируется обратная связь с субъектом речи.

«Мое и его «здесь-и-сейчас», – пишут в связи с этим социальные психологи П. Бергер и Т. Лукман, – постоянно сталкиваются друг с другом, пока длится ситуация лицом-к-лицу. В результате происходит постоянный взаимообмен моей и его экспрессивности» [2, с. 262]. Первоочередной коммуникативной стратегией субъекта речи в диалогической коммуникации, следовательно, является оптимальное руководство семантическими выводами слушающего с опорой на регулирование эмоционально-психологического настроения; «... если личность определенным образом концептуализирует ситуацию, – указывают в связи с этим исследователи, – то существует возможность для определенного типа эмоций» [11, с. 315]. Существенным аспектом указанной когнитивной деятельности участника диалогической коммуникации предстает акт имплицирования реплику соответствующей «грамматики» эмоций, которая определяется принципами повседневного эмоционального опыта. Прагматические средства манифестации эмоций в диалогической коммуникации играют важную роль в акте иллокутивного согласования репликовых шагов участников диалога: самоочевидными предстают устойчивые коррелятивные связи между иллокутивными составляющими реплики-стимула и реагирующей реплики. В частности, побудительный речевой акт потенциально предполагает в качестве реакции не только ответный неречевой ход, но и обещание предпринять этот ход в предстоящем будущем.

Косвенный комиссивный акт, являющийся в условиях диалогического взаимодействия реакцией на императивную иллокуцию, наряду с диктумной составляющей, реализует в своей семантике реактивные пресуппозиции эмоционально-эмоционального плана, которые детерминируются силой воздействия субъекта речи на модус адресата. Указанные пресуппозиции актуализуются непосредственно в процессе диалогического взаимодействия как результат оценивания осмысленности слушающим стимулирующего побудительного высказывания. В момент становления межличностных отношений прямой побудительный акт, который предстает действенным средством речевого воздействия на эмоционально-волевую сферу собеседника, может породить негативную реакцию адресата, его нежелание выразить обещание в плане совершения запрашиваемого действия. Например: «– *Вот что! Садись в машину, я тебя тихонечко отвезу на берег... – Давай потом... Позже! – произнесла она*» [8, с. 213].

Реагирующая реплика выполняет функцию контроля и ослабления оказываемого речевого воздействия, фактически создает защитный барьер от «посягательств» субъекта речи на модус слушающего. Реализация прямого побудительного акта в фазе начала формирования речевого контакта между собеседниками обуславливается, как думается, стремлением субъекта речи выстроить линию своего речевого поведения как диалогического лидера. Реакция отказа адресата обеспечить перлокутивный эффект этого диалогического высказывания связывается, как правило, с несогласием относительно подобного распределения ролевых позиций, что, в свою очередь, влечет несогласование в процессах обмена диалогическими действиями в целом.

На стадии сложившихся речевых отношений роль коммуникативного лидера закрепляется за одним из собеседников. Наши наблюдения свидетельствуют, что для удержания ведущей позиции и одновременного поддержания речевой интеракции в этих условиях лидер, как правило, обращается к смягченной коммуникативной стратегии, косвенной речеактовой номинации императивного намерения. Ср.: «– *А почему бы в самом деле не сходить в церковь? – промурлыкала Настя и потупила глазки... – Умная ты моя, – процедил я. – Когда ты привезешь восемьсот тысяч, я устрою тебе экскурсию по всем церквям России*» [6, с. 59].

В приведенном иллюстративном примере ярко обнаруживается пресуппозициональное условие инициации косвенного речевого акта как вербальной

реакции на императивную иллокуцию – объективация некоторой преграды, мешающей собеседнику совершить запрашиваемое действие непосредственно в текущей диалогической ситуации. В подобной ситуации оптимальной предстает возможность выразить обещание совершить данное действие в предстоящем будущем. Если такая преграда отсутствует, адресат соотносит побуждение с собственными иллокутивными целями и текущими интересами, выражает несогласие с оказываемым речевым воздействием либо совершает запрашиваемое невербальное действие.

После того как речевые отношения между собеседниками выявили определенную перспективу, устоялись, коммуникативный лидер начинает все в меньшей степени придерживаться избранного сценария вербального поведения, направленного на поддержание фатического контакта с адресатом. Подобная перспектива деятельности фактически приводит к тому, что в диалогической коммуникации стираются формальные различия между различными императивными иллокуциями и самим характером их речеактового выражения. Прямая речеактовая номинация побудительности даже в сочетании с аффективными пресуппозициями может находить явную поддержку адресата. Ср.: «– *Чтобы я тебя здесь больше никогда не видел! – сквозь зубы произнес я, продолжая тащить Чемоданова по лестнице вниз. – Сиди дома и работай! Завтра к вечеру выводы должны быть готовы! – Хорошо, хорошо, Серенка! – соглашался Чемоданов, пытаясь ухватиться за перила. – Ты только подкинь денжат...*» [6, с. 100].

При устоявшихся отношениях с собеседником адресат может выдерживать чрезмерное речевое воздействие на свой модус, воспринимая коммуникативную позицию партнера в качестве «центральной» и, таким образом, расширяя его коммуникативную свободу в выборе средств воздействия. Прагматические способы взаимного воздействия собеседников оказываются различными, но данное различие игнорируется адресатом и поэтому не оказывает должного влияния на последующую стратегию его реагирующего действия. Инициация акта обещания косвенным способом в указанном диалогическом контексте предстает прагматическим средством снятия «эпистемического речательства» – ответственности за сказанное.

При актуализации императивной иллокуции в социально-неравном межличностном взаимодействии прямая речеактовая номинация предстает закономерной в случае обращения к лицу, которое занимает более низкое положение по сравнению с адресантом. В данном случае комиссивный речевой акт как ответное реагирование предстает оптимальным и соответствует социокультурным конвенциям диалогического взаимодействия. Например: «– *Посиди здесь. Только, ради бога, ничего не трогай! – Да что я – враг самому себе? – заверил я его. Командир вышел. Я оглянулся, глядя на закрытую дверь*» [8, с. 203].

Реализация комиссива в обозначенном выше случае опирается на знание о целесообразности интерпретируемого императивного задания. Косвенная речеактовая представленность комиссива в этом случае, бесспорно, дает возможность субъекту речи более выгодно представить оттенок уверения, который, как показывают наши наблюдения, частотно реализуются в статусно неравном диалоге – от низшего ранга к высшему рангу.

Подчеркнем, что при целесообразности императивной иллокуции адресат реагирует на эту иллокуцию непосредственно комиссивным речевым актом, даже если он занимает по социальному статусу более привилегированное положение, чем инициатор побуждения. Ср.: «*Тут вышел пьяный грузчик и сказал «Вениамин Станиславович! Покупатели ждут!» «Отстань, – небрежно сказал Веня и брезгливо отстранил его. Грузчик все стоял. – Иди, иди, я сейчас буду, – Веня повернулся к грузчику спиной...*» [9, с. 48].

Коммиссивный речевой акт оформляется субъектом речи как модусная стратегия негативного характера, а именно стратегия, которая манифестирует своеобразную аффективную разрядку в ситуации общения. В свою очередь, эта разрядка косвенно напоминает инициатору побуждения о той социальной дистанции, которая имеет место между участниками общения, однако выражает согласие с побудительным высказыванием.

Таким образом, побудительная диалогическая реплика и реагирующий на нее косвенно-коммиссивный акт формируют в условиях диалога целостное прагматическое единство. Реагирующая коммиссивная реплика моделируется слушающим речи таким образом, чтобы инициатор диалога осознал не только ее буквальную семантику, но и изменения в собственном эмоционально-психологическом состоянии, вызванные императивным воздействием. Иными словами, косвенный коммиссивный акт дает возможность субъекту речи выразить ситуативную оценку оппонента по взаимодействию и по возможности представить оптимальный для данной ситуации способ согласования взаимных иллюкативных намерений собеседников в едином дискурсивном формате.

Коммуникативные ограничения, налагаемые диалогической ситуацией на инициатора вынуждаемого речевого действия, предопределяются тем, что негативный эмоционально-эмотивный заряд данного диалогического действия не превышает возможные пределы воздействия на конкретного адресата, предполагаемого исполнителя коммиссива. Эмоции, испытываемые собеседниками в диалогическом взаимодействии, призваны «свести», а не развести их. В последнем случае между участниками взаимодействия может возникнуть конфликтная ситуация. Например:

«— Только давай уж играть по-честному — когда мы будем отсюда уезжать, ты все эти бумажки при мне порвешь. — Господи, Володя, да я все их тебе отдам, сам и порвешь... ты на меня не особенно обижайся, служба такая...» [4, с. 151]; «— Да отцепишься ты от меня или нет?! — крикнула девушка мне прямо в лицо. Если бы я не перехватил ее руку, полыхать бы моей щеке, как пионерскому костру. — Отдай ружье, и я отцеплюсь» [8, с. 177].

Прагматическими основаниями конфликтной ситуации является неоднозначность в текущих тактиках речевого поведения участников взаимодействия, что фактически затрудняет их коммуникативное сотрудничество. В модусной составляющей стимулирующей реплики репрезентируется негативная оценка оппонента, которая не контролируется субъектом речи. Дублирование данной оценки в реактивной реплике свидетельствует о завышенной самооценке инициатора реплики. Причем данная оценка стала возможным результатом предшествующего чрезмерного воздействия на его эмоционально-волевую сферу. Актуализация в реплике условий совершения коммиссива предопределяет нарастающий межличностный конфликт собеседников.

Следовательно, языковая система обладает прагматическим арсеналом обобщенно-типизированных моделей диалогических высказываний как действенного средства воздействия на адресата и манифестации тех иллюкативных значений, которые предрасполагают диалогическую ситуацию к потенциально конфликтной перспективе. Речевое назначение этих моделей — типизировать возможность для субъекта речи преодоления «изгибов» в совместном достижении взаимопонимания между участниками диалога, «защитить» модус адресата от довлеющего «бремени» диктумной составляющей диалогического высказывания. В условиях диалогической коммуникации в целях реализации косвенного коммиссивного акта субъект речи имеет возможность задействовать практически любую пропозицию. С опорой на данную пропозицию выражается текущая готовность поддержать речеповеденческую стратегию адресата, сгладить возможные взаимные расхождения во мнениях и представлениях, обобщить опыт согласования подобных расхождений. Реа-

лизация косвенного комиссивного акта, как правило, основывается на том, что субъект речи эксплицитно выражает определенные условия успешности данного акта. При этом инициация косвенного комиссивного акта входит в искреннее намерение субъекта речи.

Косвенный комиссивный акт, являющийся в условиях диалогического взаимодействия реакцией на императивную иллокуцию, наряду с диктумной составляющей, реализует в своей семантике реактивные пресуппозиции эмоционально-эмоционального плана, которые, в свою очередь, детерминируются силой воздействия субъекта речи на модус адресата. Указанные пресуппозиции актуализуются непосредственно в процессе диалогического взаимодействия как результат оценивания осмысленности слушающим стимулирующего побудительного высказывания. В момент становления межличностных отношений прямой побудительный акт, который предстает действенным средством речевого воздействия на эмоционально-волевую сферу собеседника, может породить негативную реакцию адресата, его нежелание выразить обещание в плане совершения запрашиваемого действия.

Анализ косвенных комиссивных актов дал нам возможность представить в структурно-семантическом и прагматическом ключе связанную с данными актами «проблемную парадигму», предполагающую решение проблем системного планирования субъектом речи, которые касаются:

- отдельно взятых прагматических процедур, реализация которых приводит к изменениям в объективной реальности;
- диалогической онтологии процесса преобразования единиц общения в определенные иллокутивные акты.

Прагматическая основа реализации косвенных комиссивных актов в диалогической коммуникации представляется в нашем исследовании следующим образом. Претворяя в реальность собственную интенцию, субъект речи преследует как личные интересы, так и интересы адресата; речевое воздействие, оказываемое на собеседника, является более уязвимым с точки зрения перлокутивной перспективы разворачиваемого диалога. В связи с этим, субъект речи сталкивается с проблемой представления личностного смысла с учетом прагматического «перевеса» контекстуального смысла комиссивной реплики над узуальным значением ее синтаксической структуры. Именно в подобном контексте межличностного взаимодействия инициатор косвенных комиссивных актов последовательно проявляет повышенную чувствительность к таким прагматическим параметрам текущего коммуникативного процесса, как динамические ситуативные изменения в коммуникативном процессе, актуальные цели диалогической интеракции, эмоционально-психологический портрет партнера по общению. В результате нам удалось выявить, как субъект речи, реализуя косвенный комиссивный акт, ориентируется на предшествующий контекст диалогического общения.

Диалогическая актуализация косвенных комиссивных актов сопровождается контекстуально предопределенными эмоционально-оценочными наслоениями. Это, в свою очередь, делает их конструктивным прагматическим средством воздействия на когнитивную и волевую сферу адресата. Косвенное обещание, реализуемое диалогическими репликами, переносит оказываемое ими речевое воздействие в виртуальный мир знаний и чувств объекта воздействия, а именно его модус. Вместе с тем, подобные формы речевого воздействия дают возможность субъекту речи прагматизировать в диалогической коммуникации как «себя», так и «других».

Прагматическая роль косвенных комиссивных актов в формировании диалогической коммуникации, предопределяемая правилами моделирования и функционирования межличностного общения, требует дальнейшего детального изучения. В частности, настоятельно требуют когнитивно-прагматического анализа обязательные и факультативные структурные ком-

поненты фрейма «косвенная просьба», что, в свою очередь, предполагает значительное расширение соответствующего корпуса примеров, что, несомненно, составляет перспективу наших последующих изысканий в избранной нами сфере.

Список литературы

1. Баранов А. И. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. И. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
3. Бойко А. К. Модели реализации оценки в диалогической коммуникации (на материале современного английского языка) : монография / А. К. Бойко. – Ростов н/Д. : Донской государственный технический университет, 2016. – 144 с.
4. Бушков А. Крючок для пираньи / А. Бушков. – М. : Олма-Пресс, 2004. – 347 с.
5. Володина М. С. Средства связности в спонтанном диалогическом тексте: формальные и смысловые аспекты : монография / М. С. Володина. – Ростов н/Д. : АкадемЛит, 2017. – 140 с.
6. Дышев А. Диссертант / А. Дышев. – М. : Эксмо, 2003. – 291 с.
7. Дышев А. Аромат скунса / А. Дышев. – М. : Эксмо, 2005. – 307 с.
8. Дышев А. Огонь, вода и бриллианты / А. Дышев. – М. : Эксмо, 2006. – 319 с.
9. Климова М. Голубая кровь / М. Климова. – М. : Митин журнал, 1999. – 274 с.
10. Ковтуненко И. В. Прагматические аспекты исследования невежливого и юмористического диалогического текста : монография / И. В. Ковтуненко, Е. В. Постевая. – Ростов н/Д. : АкадемЛит, 2017. – 82 с.
11. Ортони А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. – М. : Прогресс, 1996. – С. 314–368.
12. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129. – (Вып. 17: Теория речевых актов).
13. Рогожкин А. Кукушка / А. Рогожкин. – М. : Дрофа, 2003. – 576 с.
14. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 170–194.

References

1. Baranov A. I. Krejdlin G. E. *Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga* [Illocutionary compulsion in the structure of the dialogue]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics], 1992, no. 2, pp. 84–99.
2. Berger P. Lukman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniia* [The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow, Medium publ., 1995, 323 p.
3. Bojko A. K. *Modeli realizacii ocenki v dialogicheskoi kommunikacii (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka)* [Models of implementation evaluation in Dialogic communication (on the material of modern English)]. Rostov-on-Don, Donskoj gosudarstvennyj tehničeskij universitet publ., 2016, 144 p.
4. Bushkov A. *Krjuchok dlja piran'i* [Hook for piranhas]. Moscow, Olma-Press publ., 2004, 347 p.
5. Volodina M. S. *Sredstva svjaznosti v spontannom dialogičeskome tekste: formal'nye i smyslovye aspekty* [Means of connectivity in spontaneous dialogue text: formal and semantic aspects]. – Rostov-on-Don, AkademLit publ., 2017, 140 p.
6. Dyshev A. Dissertant [The author]. Moscow, Jeksmo publ., 2003, 291 p.

7. Dyshev A. *Aromat skunsa* [Aroma of skunk]. Moscow, Jeksmo publ., 2005, 307 p.
8. Dyshev A. *Ogon', voda i brillianty* [Fire, water and diamonds]. Moscow, Jeksmo publ., 2006, 319 p.
9. Klimova M. *Golubaja krov'* [Blue blood]. Moscow, Mitin zhurnal publ., 1999, 274 p.
10. Kovtunen I. V. Postevaja E. V. *Pragmaticheskie aspekty issledovanija nevezhlivogo i jumoristicheskogo dialogicheskogo teksta* [Pragmatic aspects of the study impolite and humorous dialogue text]. Rostov-on-Don, Aka-demLit publ., 2017, 82 p.
11. Ortoni A. Klour Dzh., Kollinz A. *Kognitivnaja struktura jemocij* [Cognitive structure of emotions]. *Jazyk i intellect* [Language and intelligence]. Moscow, Progress publ., 1996, pp. 314–368.
12. Ostin Dzh. L. *Slovo kak dejstvie* [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress publ., 1986, pp. 22–129. (Vyp. 17: *Teorija rechevyh aktov* [Issue 17: The theory of speech acts]).
13. Rogozhkin A. *Kukushka* [Cuckoo]. Moscow, Drofa publ., 2003, 576 p.
14. Serl' Dzh. R. *Klassifikacija illokutivnyh aktov* [The classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress publ., 1986, pp. 170–194. (Vyp. 17: *Teorija rechevyh aktov* [Issue 17: The theory of speech acts]).

ДОМИНАНТНЫЕ ЗОНЫ НЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Касьянова Людмила Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kaslyudmila@yandex.ru.

В статье описывается неологическое пространство русского языка и его доминантные зоны, сформированные под воздействием интра- и экстралингвистических факторов. Лексическое наполнение доминантных зон неологического пространства происходит под влиянием важнейших стимулов, связанных с когнитивно-коммуникативными потребностями социума, а также с особенностями внутреннего устройства языка, отражает результаты познания человеком окружающего мира.

Ключевые слова: неологическое пространство, доминантные зоны, неологизация, неониминация

DOMINANT ZONES OF NEOLOGICAL SPACE OF RUSSIAN LANGUAGE

Kasyanova, Lyudmila Yu., Doctor of Philological Sciences, Professor. Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: kaslyudmila@yandex.ru.

The article describes the neological space of the Russian language and its dominant zones, formed under the influence of intralinguistic and extralinguistic factors. The lexical filling of the dominant zones of the neological space occurs under the influence of the most important stimuli associated with the cognitive-communicative needs of the society, as well as with the peculiarities of the internal structure of the language, reflecting the results of man's cognition of the surrounding world.

Keywords: neological space, dominant zones, neologization, neonomination